

Анатолий ЖАРИКОВ

спираль бабочки

Новые стихотворения

Анатолий Жариков

Спираль бабочки

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26709156

SelfPub; 2017

Аннотация

Одна пара крыльев для полёта. Вторая – для торможения, чтобы не сгореть под солнечными лучами. Всё как у людей. Только вот крылья у нас окостенели... Мы летали. Но сейчас мы – личинки. Если достойно пройдем курс подготовки, то из нас снова вырастут крылья и мы полетим. Куда? Где нет гусениц. Где все летают. Славного пути! Содержит нецензурную брань.

Первая

Помнит ли гусеница крылья?

Не буду тебя смешить,
Господи, какие чаянья.

Упакована в строку жизнь,
как пригородных расписание.

Шестерёнка пока цела
ходиков, чернила не высохли
на полях стиха, несть числа
твоим вдохам, моим выдохам.

На четвёртом этаже
чум,
вперёд плачено
за квартиру.

Как хочу,
так целую милую.

Краски алые,
тушь да чушь,
мне подобен
до пупка, изжоги.

Как хочу,
так имею бога.

И светлую путь,
и тёмную муть
пройди и забудь,
и живи как-нибудь,
перстом рассекая впалую грудь.

Шахтёрскую горку кофе
в чашке с кипятком размешать.

Зимний вечер.

А в холодном окопе моё лицо
не умыто и нет рукомойника.

А в бессонном окопе моём что ни сон —
всё к покойнику.

А в окопе моём вой,
мат и водка, а не молитва.

Всё стреляет на запах небритый мой:
мина-молот и пуля-бритва.

А накроет градом моё гнездо
и развалится моя крыша, —
стану звонче всего на свете я, а потом
всего на свете тише.

Будут деньги (а когда?),
я куплю гитару,
сам не ведаю зачем,
я ведь не играю.

Будут бутсы, я надену
шляпу для прогулки
и пойду косить траву,
хоть и не имею.

Будет женщина (зачем?),
я схожу с ней в магазин,
купим макароны,
чтоб сказать, что я люблю
вечером и утром.

Хайям. Недосказанное рубайи

Недаром прожил на земле свой век
нарисовавший звёзды человек.

Обрушился день
юбилейный на голову.

Не грусти, старче.

Вот идёт по стране человек.

Город, улица, рытвина, яма.

Тяжело поднимается век
на свисток Мандельштама.

Д.Р.

Совком провинцию не выскребешь.

Оставил город, тётку, друга.

—В столице столько незнакомых
и милых поэтессок, — улыбнулся.

Ангелы вздорят
за плечами. Пух летит

с головы моей.

Вся еда моя – сухарь с чаем,
все подвиги мои в прошлом.

Вздорят ангелы за плечами,
плохой и хороший.

Грустно в мире, как Слову в начале.

Выйду в снег, затискаю милочку,
продышу в январе дырочку
глубоко, с четверга на пятницу.

С неба месяц слезой свалится.

Один сказал: «Плодитесь, потребляйте».

И выросли плоды среди половы.

Другой нам поднял веки: «Сознавайте.
Не забывайте, что и вы от Слова».

Не из грязи – из дождя, снега,
из весной молодого смеха
да из пыли звёздной дороги. –

Чтобы помнил о боге.

Есть и другие строки на свете, Вергилий.

Ветер движется веткой,
жизнь – тройною спиралью.

Не суди человека
за кривую реальность.

Останется всё, как есть:
женщина, комната,
стихи на подоконнике.

Мы уедем на юг,
где лопатой сгребай
апельсины с бульваров,
в оранжевый рай.

Мы построим чертог
из песка без дверей.

Нашу тень на земле
отпечатает бог.

Нас укроет чертог,
нас утопит Агдам.
—Где Адам? —
скажет весело бог.

Мы сначала человеки, и поэтому
мы потом уже бомжи, рабочие, поэты.

Никакой такой суеты
у останней черты.

Пихнут на трассу –
катись просто.

Детская храбрость.

Женская кротость.

Тает снег.

Проявляется тропка
по дороге в посёлок.

Иду мимо
пункта стеклотары:

–Привет, Клара!

Зной в песке.

Прохлада в малиннике.

Пчёлы на языке лета.

Между малым и
большим нет диалога.

(В очереди к богу).

Прокуренные крики ворон.

Тёплый ветер.

Запах здоровой земли.

Приходят дурные мысли,
салятся за стол.

Пьём до утра.

Дождь повернул в проулок вместо меня.

Асфальт пузырится, в лужах фиолетовая фигня.

В сточной канаве фыркает рыба кит.

У Бандеры в колодце мокнет динамит.

Поздно однако и розы с шипами как-то некстати.

Женщина, словно родина, ждёт у хаты.

Вселенная
раскинула ноги.

Млечный сок.

Нельзя грустить более
шестнадцати строчек.

Не восстанешь.

Чуть начав, подводим итоги,
а итоги – едва начало.

Поминайте нас, ради бога.

Разных много.

Хороших мало.

Помолилась, за свечу десятку
отдала и ожидает дара.

...И посадит бог в ряду десятом
райского повторного театра.

Снилось облако.

Трогал – мягкое,

что грудь жены.

Поздно. Дождик. Перед женщиной вина.

Остальное всё – налоги да фигня.

Оратории

Слово – Бог,

похмелье – боги,

ангел – ключик золотой,

неизвестность – три дороги.

Лью – не выливается.

Пью – не напивается.

Просыпаюсь не на той.

Сумасшедший и горбатый,
проживаю в крайней хате.

Паспорт в брючине, а то.

Боль-тоска и грусть в пальто.

На голых клавишах лежит ладонь нагая.

По полым пальцам голый свет стекает.

Не бойтесь трогать музыку руками.

Дух во плоти – изъян
и любить он не мог.

Композитор был Бог.

Или пьян.

В мои окна-глаза
смотрит осень,
льют дожди,
воду пить идут лоси.

Моя кожом блин плоть
матраса плоче.

Сломал стол столяр,
сделал плотник плот.

Поплыла, в общем.

Ну а лавра привой,
пук петрушки, корона,
как трусы, свисает
вниз головой,
Боже мой!
с твоего балкона.

Хмурое – это обиженное ясное
(мама не дала «конфету ещё»).

Утро красным рисует дома,
и угрюмо встречают утро
весь в кровавых сомненьях Фома,
в страхе Пётр и с надеждой Иуда.

Ночь облыжная, день паскудный.

Так завещано, так и живи.

Меж Евангелием от Иуды
и Евангелием от Любви.

Я вынул корневища из земли.

Теперь заложу сад
на Большом Облаке.

Раскалываю
орехи. Хватит и мне,
и смелым птицам.

Зимнее небо.
Там за ангелов птицы
чёрной масти.

Весна. Грязь. Вышел
поговорить с погодой.

Кричат сороки.

Смотрю дорогу,
уводящую в небо.

Не толкайте в спину.

До осеннего дождя.

До сырой земли.

Дальше – сам.

Кривые ноги уйдут.

Вороньи волосы истлеют.

Микеланджело останется.

Поклоняются богу
клоны божьи.

Дети божьи
богу улыбаются.

Вторая

Моё слово и мои мысли суть
безупречные и счастливые бродяги.

Мишель Монтень

Март

Высокое солнце
сушит улицы для
тоскующей плоти.

Это камин щёлкает рифмы поэта.

Греет спину вышедший на пенсию Будда.

Это старость рассказывает, как
разрываются в мыслях солнечные сосуды,
как останавливаются века.

И я был наг.

Во тьме сияло слово.

Я сделал шаг.

Великий до смешного.

Рано весной

Муха делает пробный вылет.

Пчела разминает крылья.

Муравей ищет прошлогодние тропы.

День клонило ко сну.

В чайной чашке свернулось лето.

С недокуренной сигаретой
на диване закат уснул.

Вечер ушёл,
оставил зловещие краски,
как чужь лесную из Афанасьева сказки.

Но утро позднее ультрамарином
рисует высокие ноги на
плавающих гардинах.

Вольный перевод – это когда
во имя автора, переводчика
и художественного духа.

Тебе пять лет и разделять, и грабить,
а я пожизненный свой срок тяну.

И каждый день твои имею грабли,
как ежедневно ты – мою страну.

В три погибели согнулся,
достал руками земли.

Ух ты, йоханая хатха!

Мы узнали добро и зло.

Наше дерево расцвело.

За ветвями – завистливы тени.

Улыбнись перед грехопаденьем.

У Лены Рышковой

Бог с крестиком на шее,

на котором спит Бог.

Пиши так, чтоб
говорила «о!», читая
гейша твою хайку после чая.

Самолёт

с распятым лётчиком

высоко над облаками.

Сергей Ухин повторял:

«Открытая ладонь —
восход солнца».

Вот и снег в марте,
что январь недосыпал.

Тают мухи под солнцем.

Вся под ветром и дождём

просится принцесса в дом:
«Есть ли в доме сын и мать,
сыр, с горошиной кровать,
где от одиночества
спать совсем не хочется?..»

Стальное небо.

Последние дни зимы.

Дымка над крышами домов.

Солнце продирается
сквозь тёмные тучи.

Гребёт лучами.

Ошарашенный грозой,
муравей мечется
по кругу с былинкой.

Дружковка

Олегу Латышу

1.

Стенка слева, стенка справа.

Бурса – хлопцы из Полтавы.

Город – местные орлы.

Прутья, цепи, топоры,
поножовщина, понты,
красно-синие менты.

2.

Площадь. Голуби. Кино.

Первосортное вино.

Женских глаз тугая дымка,
стихотворство, Костя, Димка.

Детство. Юность. Память. Город.

Светом солнечным проколот.

3.

На бульварах листья синие.

На скамейках пары стильные.

Омар Хайям. Выбор есть

Быть лучше тощим и здоровым, чем
жрать на ночь мясо или что попало.

Пить одному приятно из бокала,
а с кем попало, из горла – зачем?

Какое равенство, вашу мать!

Ногам – шагать.

Мозгам – думать.

Рукам – женщину обнимать.

У жены три заначки.

Одна – для детей.

Вторая – на случай войны, недорода.

И третья – бог знает, какого рода.

Не писать – рано.

Подражать – поздно.

Залечила ранку
глиной божьей.

Не краснела глина
строк твоих,
белая Мария
Петровых.

Собственно, что надо?

Тучное поле стаду,
тяжесть металла – карману,
в зубы – сладкую манну.

Мужика женщине,
мужику – трещину.

Да на сон грядущий –
сериал текущий.

Бумаге – чёрный карандаш.

Бродяге – звёзды и шалаш.

Земле – небо.

Мне – женщину, с которой не был.

Любую укажи мне путь –
и я пойду куда-нибудь.

Стихи, сандалии, сума.

Не дай мне, Бог, сойти с ума.

Пока не вышла сорная трава,
успеть сказать хорошие слова.

Самый светлый гений от века,
самый русский, от рощи и поля,
заболел страной, женщиной, алкоголем
и пугает друзей Чёрным Человеком.

Первую муху
я вынес на улицу.

Лети, орлица.

Душа всплакнула, полетела.

Не больно холодеющему телу?

По-прежнему только налоги.

И болят ноги.

Всё осталось, как было,
и будет всегда.

Светел путь,
спит Большая Медведица.

И волхвы. И большая звезда.

Всё пройдёт. Ничего не изменится.

Весна. Солнце.

Мухи встречаются у
прошлогодного памятника.

В деревне навозные ляпы
не возбуждают, Елена,
дворняга смеясь, лапает
хозяйку от грудей до коленей.

И хлопцы поют песни
у Варькиного двора,
потому как других прелестней
и никому не дала.

У нас мужики, у вас – музы
и желания улиц уже,
да и возможности уже
фиолетовы, как яйца Карла Фаберже.

Тихая вода.

И старый месяц
любуется молодым.

Тёплая, как детство, батарея.

То да сё да баиньки опять.

Словом, старость. Подоспело время
Лермонтова-Пушкина читать.

Новый день

Пспевают пшеницы и ржи.

Небо хочет пролиться.

Солнце золотом ссыт.

День дрожит.

Под слезою росы
вырастают хреновые листья.

Апрель. Природа
воскрешает стандарты
земной жизни.

Бог один, одна божья воля.
Посредников до хрена. И более.

Мы научились в век отстоя
опираться на пустое.

Философичное

Много жира и пуха
между телом и духом.

В доме не убирали
с тех пор, как выбили стёкла,
и голуби залетали
в пробоины и окна,
садились на стол и стулья,
высаживались на полки
с книгами, стукали
клювами о пол.

Сосед Володя забинтовал крест накрест
квадратные раны в стенах,
соседка Неля, наведываясь, наспех
поливала в горшках растения.

Другая соседка – Инна,
работница магазина,
она же завскладом,
кормила птиц шоколадом,
потому как города жители
уже второй год не жили там,
и матери матами с лозунга
разрывали пустоту воздуха.

Гражданская

Её называют
гибридной, гробовидной, блядской.

Чтоб не называть братской.

Я только передатчик,
настроенный ловко,
приёмник удачи,
отдатчик слова.

Я всё пропускаю
сквозь красные кабели —
и камень Каина,
и алчность Авеля.

Не выгоды ради
молитва подателя.

В чело бьёт ради-

активность Создателя.

Что у белки,
во всех уголках закрома,
а спросишь конфетку,
скажет с улыбкой: «Нема.
Вот ручка, перо, вот бумага –
пиши. О нежный, открытый
ломай свои карандаши».

Что у львицы,
детёныши с голубыми глазами,
сердца их шумят,
как негры ласкают тамтам, и
в седой бороде
львята ищут любовь и права
огромного, сильного, сонного льва.

Что лоза,
наливала в сосуды чернил,
день гремел,
и для нового слова

открывала стозевое лоно,
падал дождь. Мир
в созвездиях снова.

Елене Сороке

Забываю имена знакомых,
лица близких и названья дня.

И молитвы тихий шёпот. Кроме

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.